

Кира Османова

Филолог, поэт, переводчик, критик. Родилась 5 сентября 1982 г. Преподаватель высшей школы. Член Союза писателей России. Член Союза переводчиков России. Живет в Санкт-Петербурге. Автор книги стихотворений «Нет синонима» (Москва, 2021). Автор публикаций в периодических изданиях: «Prosōdia», «Зинзивер», «Урал», «Новая юность», «Звезда», «Наш современник» и др.

Избранное из книги «Нет синонима»

* * *

Сколько бы ни было их — дружелюбных, гневных,
Тех, кто вокруг да около, —
Все уйдут.
Бог, как рыбак, временами бросает невод
В реку свою глубокую,
В суету,

В юркий поток неразумных, которым вечно
Кажется, что в их общности —
Высший смысл.
И до последнего веришь в такие вещи
(Истовей верить хочется):
«Есть лишь “мы”».

«Мы» трепыхаются, ртами хватают воздух,
Думают — вот очутятся,
Где светло,
Да и останутся так же — друг друга возле,
Каждого каждый — чувствовать.
Но улов

Будет в итоге совсем не таким богатым
(Правда, что — всем предвиденьям
Вопреки).

И остается лишь пара секунд, пока ты
Помнишь — чужие выдохи,
Плеск реки...

И, наконец, выбираешься из постели,
Долгим кошмаром скомканной, —
Морок, стыд.

Ни одного человека на самом деле
В солнечной этой комнате —
Только ты.

* * *

Растерянный, уставший до предела,
Не попадаешь в повседневный ритм.
А этот город без предупрежденья
Через тебя свободно говорит.

Вдруг выросшие башни-великаны:
Глядишь на них — и чувствуешь родство,
Как будто сам — бессменно вертикальный,
Как будто сам — до странности — не свой,

Негабаритный, неуместный явно,
Из фантазмагорического сна.
С самим собой столкнешься на стоянке —
И дальше пошагаешь, не признав.

Ты от себя давно куда-то делся.
А все же думать станешь по пути,
Что столько было планов, самых дерзких,
Однако, не сработал ни один;

И что необретенные умения
Обретенны не будут никогда:
Играть на музыкальном инструменте,
Печь пряничные чудо-города,

Косить траву чудовищем железным,
Играючи. Но ты уже без сил,
И в мóроке, что кажется болезнью,
Садишься в подмигнувшее такси.

Вот ты, кого без памяти любили,
Сейчас один, не свыкнешься никак,
И видишь сквозь стекло автомобиля
Фрагмент из сна, последний кинокадр:

Газон, как перестеленная скатерть,
Кафе-киоск, как пряник расписной,
И незнакомец — тот, на самокате —
С чехлом виолончельным за спиной.

* * *

В августе после купания схватишь простуду гадкую,
сляжешь — и будут компотом из яблок тебя отпаивать,
сваренным на животворной воде из колодца дачного.
Только заснешь — непременно приснится земля за озером,
где все окажутся взрослыми,

стойкими, неуязвимыми (их ни болезнь не трогает,
ни уж тем более — чьи-то слова, и весьма обидные,
вроде последних, мол, мы же тебе говорили, глупому).
Спишь себе, спишь, и, похоже, история подзатянется —
по крайней мере, до осени.

В будущем страшно захочешь вернуться на место старое,
необязательно полное воспоминаний радостных
(честно признаться, не в радости дело в конкретном случае),
место, где ты распознал ощущение своей отдельности —
никто тебе не спасение.

Кажется, если чуть-чуть постараться, то получится
выполнить правки посильные в собственной биографии,
штрих, стилистический ход — скорректировать интонацию
(часто вопросы уместней любых восклицаний в принципе).
Хотя кого ты запутаешь.

Речь лишь о том, что не все удалось заменить подобием. Не существует, допустим, синонима к слову «яблочный» (как и к словам «заозерье» и (что там еще) «колодезный»), так же, как нет никакого к себе самому синонима, к себе — ребенку из прошлого.

Этот ребенок (не то чтоб его полагалось спрашивать, как ему дышится, трудно ли, что он и вправду чувствует) детство свое обречен проживать, никуда не денешься, изо дня в день — в одиночку — встречаться с чужой реальностью: терпеть, придумывать хитрости.

Нет ничего, что сейчас поменяет тебя — тогдашнего. Даже и спросишь себя, повзрослевшего: «Как ты, маленький?» — выйдет формальный прием, подстановка, а суть останется. Но до сих пор удивительно все-таки — как ты справился, справлялся — август за августом.

В самом-то деле вода в это время всегда холодная. Только... а вдруг посчастливится — вынырнешь крепче прежнего? Кто-то из доброжелателей благоразумных с берега крикнет: «Не вздумай!» («Простудишься снова!», «Ну что за выходки!») А ты идешь — и купаешься.

* * *

Посегодня неясно:
как это речью выразить можно,
как эти звуки трудными стали,
как, неужели ты, сокрушенный —
а вышел, выходишь, выйдешь из тайного сада.
Даже неба боялся.

В сад проскользнул ребенком тревожным
(день завершился, взрослые спали),
вверх не смотрел, смотрел на крыжовник,
ужасно хотелось ягод — тугих, полосатых.

И не верится даже:
ты не один, конечно, страдалец,
косноязычный, дышишь в потемках, —
пугало одадь, платье в заплатках, —

а будто один, ничью не принявший опеку.
Что действительно важно —
мстительный куст, проколотый палец,
сизое небо в кровоподтеках,
хочешь заплакать — да не заплакать —
о том не расскажешь ни одному человеку.

Анатолий Слешков